

В лице Амосова мы имеем дело с явлением личности в потоке истории. Это имя, которое никогда не будет списано в архив. Амосов главное своё высокое благородное звание – истинного учёного-интеллекта – с великим достоинством пронёс до конца. Через всю свою далеко не лёгкую, но красивую жизнь. Ныне имя Амосова в истории отечественной медицины – это особого рода знак.

Не преувеличивая категорий нашей дружбы, я вправе сказать, что с Николаем Михайловичем меня связывали самые искренние и тёплые отношения на протяжении всех последних лет его жизни. Был я вхож и в его дом.

Голос и символ эпохи

Наши беседы с Н.Амосовым касались главным образом вопросов спортивной тренировки и истории мировой хирургии. Такие беседы оказывались чрезвычайно увлекательными для нас обоих. Ещё бы! Амосов был сам как живая история, и мы с ним как будто переносились в другой мир.

Нас обступали призраки славного хирургического прошлого, восстающие из могил, поросших травой забвения. Выстраивались галереи благородных образов врачей старой школы. Через Амосова, живущего среди нас, словно перекидывался мост в «золотой век» хирургии XIX столетия: этому человеку за его долгую, длиною почти в век, чрезвычайно содержательную жизнь довелось общаться с хирургами, заставшими ещё при жизни Теодора Бильрота, не говоря уже о многочисленных учениках венского мастера. Амосов жил, работал и среди других ярких исторических фигур.

У самого же Николая Михайловича наибольший интерес вызывала личность Фердинанда Зауэрбруха – знаменитого немецкого хирурга, стоявшего у самых истоков зарождения торакальной хирургии и хирургии сердца, сыгравшего заметную роль и в медицинской службе немецкой армии в период Первой и Второй мировых войн.

Время тех бесед для нас пролетало незаметно, и на протяжении каждой нашей встречи меня не покидало ощущение чрезвычайной важности, событийности всего происходящего.

Вот так между нами установились не вполне обычные, но прочные отношения. Эту необычность (даже для его богатого опыта) отметил Николай Михайлович. Здесь во всём целиком была его заслуга. Разумеется, в чём-то я помогал, но моя помощь по своей значимости была не выше той, что оказывает артисту-исполнителю человек, который не играет на музыкальном инструменте, а только его таскает.

Вряд ли случаен тот факт, что разговор наш часто касался моего родного города. В Севастополе Амосову ни разу побывать так и не довелось, но об этом городе он знал много, особенно о военной его истории. В частности, ему хорошо было известно о работе в период Отечественной войны подземного военного госпиталя, размещавшегося в Инкерманских штольнях.

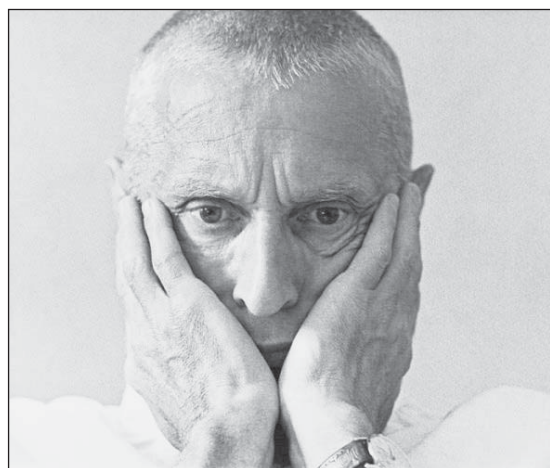
Не вызывает сомнений, что Николаю Михайловичу было приятно услышать, сколько адептов (и даже апологетов!) его учения о здоровом образе жизни сформировалось в Севастополе, и прежде всего – среди членов городского Клуба любителей бега.

Распространению и популярности такого учения во многом способствовали телевизионные передачи прошлых лет, посвящённые академику Амосову с их воздымающей атмосферой всеобщего воодушевления, рождавшегося в зале телестудии Останкино, а затем охватывавшего всю многомиллионную аудиторию телезрителей. Видимо, и здесь лежат духовные корни возникшего когда-то феномена Амосова.

Имена и судьбы

Вернуть бы светлый взгляд на жизнь...

К 100-летию со дня рождения кардиохирурга Николая Амосова

В истории нашей страны начало 80-х принято ругательно называть годами застоя, но лично для меня, и в первую очередь благодаря высокой просветительской миссии Амосова, никакого застоя никогда не было. Напротив, эти годы стали для меня духоподъёмными.

Амосов тогда для многих сделался голосом и символом эпохи.

Словно древний римлянин

Николай Михайлович учил нас бесстрашно и успешно противостоять могучим силам мирового зла. Он и сейчас смог бы заставить людей встать с колен и поднять низко опущенные головы. Он помог бы всем нам преодолеть упаднические настроения, сумел бы в каждом зажечь свежий интерес к окружающей действительности, вернуть нам светлый взгляд на жизнь – это то, чего всем сегодня катастрофически не хватает. Амосов сдвинул бы наш социум с безнадёжно-позорной позиции пошлого, полускотского ущербного выживания под гнётом придавивших нас проблем. Выдающийся хирург и учёный сумел бы втолковать капитулянтам, что «быть жертвой – неталантливо!» И это послужило бы мощным толчком к освобождению от нравственного унижения и сопряжённого с ним позора, проистекающих из морального рабства, в которое нас загнали жизненные обстоятельства, отчасти ещё и наше невежество. Амосов стимулировал бы наше активное продвижение в направлении вершин духа.

Ведь жизнь каждого человека в главных своих проявлениях зависит, прежде всего, от прилагаемых человеком личных усилий. Окружающая обстановка – это, безусловно, чрезвычайно важно, но всё же это только во вторую очередь.

Амосов, без сомнения, дал бы нам новую, исчерпывающе-точную и неотразимо-убедительную меду-био-биологическую программу. Что не стало бы пустой декларацией, не осталось бы на уровне одних только идей. Эффективная реализация «Новой программы Амосова» не позволяла бы людям обраться духовным и телесным жиром. У нас была бы программа, обеспечивающая если и не бессмертие, то уж активное долголетие наверняка. Это был бы комплекс мер, отодвигающих старость путём совершенствования собственного организма, как в физическом, так и в психологическом отношении: методом выработки у нас устойчивого позитивного жизневолеяния, расширения существующих границ нашего традиционного, во многом неправильного образа жизни.

Амосов заставил бы фонтан

общего энтузиазма бить с новой силой.

В свете сказанного не приходится спорить о роли личности в истории вообще и о роли такой личности, как Амосов, в частности.

Амосов по гордому складу своей души – это древний римлянин, и никак не меньше! Впрочем, безо всякого «цезарианства».

53 года у операционного стола

В книгах, написанных Амосовым, проявился масштаб этой личности. Его литературное творчество является собою органичный сплав науки и жизни в самом лучшем и широком значении данных понятий; это сплав эрудиции с широтой души. В произведениях они представлены с большой полнотой.

Уже самая первая книга Н.Амосова («Мысли и сердце») вызвала огромный читательский интерес благодаря захватывающему содержанию и высокой художественной форме изложения. Симпатии читателей в немалой степени подогревало и то обстоятельство, что книгу написал хирург, который сам всё описываемое пережил, а теперь давал нам возможность увидеть события его глазами. Он умел отыскивать слова, в которых смысловая доминанта выражена максимально.

Вот так говорить о вещах, трудных для постижения и при этом превращать мудрость в знание, доступное всем; делать это с той же виртуозной лёгкостью, которая была присуща гениальному Моцарту в музыке; добиваться в своих объяснениях кристально-чистой ясности и достигать глубины в простоте – такое искусство под силу далеко не каждому, а лишь немногим из тех, кто сам очень хорошо знает предмет.

Анатоль Франс как-то сказал, что «простой стиль подобен яркому свету: он сложен, но этого нельзя заметить».

В то время я и мечтать не смел о том, чтобы увидеть самого живого автора. Мне казалось, что подростку познакомиться с Амосовым было так же трудно, как отнять палицу у Геркулеса.

Амосов проработал у операционного стола 53 года – это более полувека подвижничества, святого труда!

Клиника Амосова очень скоро сделалась центром притяжения высококлассных специалистов в данной области хирургии. Но в ещё большей степени она притягивала больных, страдающих всевозможными сердечными пороками, а потому и стала для них местом настоящего паломничества.

Кардиохирургия – это путь, который ни для кого не усыпан розами. Несчастья подстерегают здесь на каждом шагу как пациентов, так и врачей. Но такое дело, как сердечная хирургия, – оно жизненно необходимо. Не в фигуральном, а в самом прямом, буквальном смысле!

И оттого в своей профессии Николай Михайлович был предельно требователен как к себе, так и к коллегам и подчинённым.

Прекрасный организатор, всыскальный до жёсткости наставник, вдумчивый клиницист, тонкий диагност и блистательный хирург, Амосов в то же самое время оставался глубоко человеческим: внимательным и очень бережным к людям.

Был он начисто лишён высокомерия, терпеть не мог подхалимажа, сам никогда и ни перед кем не заискивал и не выслуживался, а был во всех отношениях безупречно порядочен, бескомпромиссно прямым и честным.

Я уверен, в немалой степени такой его позиции в жизни способствовало то обстоятельство, что Н.Амосов прошёл самую страшную из войн и воочию убедился в том, как бездарно тратит человек отпущенное ему природой. Собственные силы, огромные людские и материальные ресурсы человечество направляет на то, чтобы создавать орудия уничтожения себе подобных, вместо того, чтобы обратить перечисленное на собственное благо.

Амосов вплотную соприкоснулся с кровавой жестокостью и прочими ужасами, сопутствующими всякой войне. Он остался жив, а оттого научился по-настоящему дорожить каждым мгновением отпущенного ему земного существования, в котором учёный стремился жить, «минуту превращая в век».

Обыкновенное чудо

Надо заметить, что наша жизнь несправедлива к нам уже тем, что она на самом деле до обидного коротка: она короче, чем нам это представляется! Довелось Николаю Михайловичу пройти и через запредельную материальную скудость и жуткие до униженности бытовые неустойчивости жизни первых послевоенных лет. Именно та война сделала Амосова противником любых войн, а испытания и невзгоды военного и послевоенного времени, которые учёный сумел с честью преодолеть, сформировали из него человека несокрушимого достоинства.

Будучи убеждённым противником войн и грубого насилия, тем не менее в сфере своей профессиональной деятельности Амосов был строг и даже резок, в каких-то случаях мог прибегнуть и к «болевым приёмам», но делал это без садистского избытка, не стремясь задеть самолюбие человека или его унижить. Он всегда думал только о деле!

Существуют люди, во всём следующие чьим-то указаниям, эдакие вечные ученики. Им, кстати, живётся гораздо легче. Однако не могут все быть учениками и подчинёнными. Кому-то надо быть и учителем, принимающим решения и берущим на себя ответственность за других.

Вот таким сильным, уверенным лидером был Амосов, всегда задающий непростыми жизненными вопросами и пытающийся на них ответить. Таким он был уже тогда, когда в юности работал дежурным оператором на электростанции и, не теряясь в сложных и острых ситуациях, умел найти правильное техническое решение; таким был, когда в инженерном вузе он разрабатывал совершенно необычный проект двигателя для самолёта; и уж конечно, таким Амосов был в медицине, когда в доли секунды требовалось найти выход из отчаянной ситуации, возникавшей по ходу хирургической операции. Однако железный стержень ха-

рактера Амосова вовсе не мешал ему быть очень разным.

Это был крупный учёный с такою большой и щедрой душой!..

Сильное, сложное впечатление произвело на меня наше знакомство. Судьбой человека, скорее всего, управляет случай, вот и наше знакомство, как и многое, очень удачное в нашей жизни, произошло во многом случайно, но на него меня подвинул «ожидаемый случай», и эту случайность я считаю знаковой. Определённо, элемент закономерности в этом жизненном «странном сближении» присутствует: мы встретились по «закону особого притяжения», и в моей жизни произошло «обыкновенное чудо».

Последний из вождей

Николай Михайлович занимал заслуженно высокое положение в иерархии имён крупных деятелей медицины и справедливо причислен к классикам отечественной хирургии. Имя Амосова символизирует собою «золотой запас славы» отечественной хирургии.

Амосов – профессионал высочайшего класса, признанный и всем хирургическим миром.

Из «вождей» минувшей хирургической эпохи он оставался последним в этой славной цепи.

В данном контексте уместным будет говорить о рыцарстве в науке, прилагая оное к личности Н.Амосова.

Таким свойством отмечена и повествовательная манера в книгах Амосова-писателя – это качества, составляющие основу нравственного содержания характеров героев его литературных произведений, в которых упор сделан на фундаментальные ценности человеческого бытия; это та удивительно тонкая огранка образов действующих лиц, что мастерски выведены в его текстах и пленяют читателя, оставляют неизгладимое впечатление, благодаря высокохудожественному воплощению и оригинальности авторских суждений. Хотя метод, используемый Амосовым и не нов, тем не менее в идеях автора и особых формах их изложения определённо присутствуют и свежесть, и новизна.

На мой взгляд, самым убедительным примером здесь может служить талантливо и блестяще написанный Амосовым в его «Книге о счастье и несчастьях» литературный портрет профессора Сергея Сергеевича Юдина (1891-1954). Тут примечательно ещё и то, что в этом случае Николай Михайлович оказывается выше личного. Не гладко складывались их отношения: та изрядная доля необъективности, недостатка участливого внимания, с которыми С.Юдин – одна из самых крупных и видных фигур в хирургической элите СССР, – относился к Амосову, в ту пору молодому хирургу, переживавшему самый грустный и трудный (по определению самого Н.М.) период его жизни – «московский». Для зрелого Амосова всё это в полной мере искупается научными заслугами и личным шармом колоритной натуры Юдина.

В проносающейся пёстрой, калейдоскопически меняющейся жизни Амосов пусть навсегда останется для всех нас неизменным нравственным ориентиром; пусть он светит нам Оттуда сквозь магический кристалл времени надёжно и постоянно, как Полярная звезда.

Николай Михайлович прожил жизнь долгую, честную и трудную, и вместе с тем очень яркую, неординарную и исключительно полезную для общества. Жизнь, на которой лежит отблеск вечности. Этот рассказ – мой венок на могилу великого врача современности в год 100-летия со дня его рождения. Мир и покой его праху.

Игорь ТЕЛИЧКИН,
кандидат медицинских наук.

Великобритания.